ЦЫГАНКА.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ Одессы есть нѣмецкая колонія на берегу моря, и туда выбирается изъ города на лѣто до 35–ти семей мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ, для купанья въ морѣ и чтобъ уйдти отъ нестерпимой жары и пыли. Колонія эта, которая Нѣмцами называется Люстдорфъ, переиначена Русскими въ Люстру и подъ этимъ названіемъ извѣстна во всемъ округѣ. Невдалекѣ отъ нея лежитъ селеніе мѣстныхъ жителей, смѣси Русскихъ съ Малороссіянами, Большой–Фонтанъ; по другую сторону Люстры селеньице, Бурлацкая–Балка, гдѣ поселился всякій сбродъ, такъ–называемые мѣщане; подальше, на Лиманѣ, поселены Греки, Арнауты и еще Нѣмцы, но католики, тогда–какъ люстровскіе лютеране.

На этомъ пространствѣ всегда можно найдти кочующихъ Цыганъ. Если семья этихъ природныхъ ковалей, кузнецовъ,

найдетъ въ деревнѣ много работы и зазимуетъ тамъ, то имъ иногда отводятъ порожнюю избу; Цыгане отъ этого въ дурную погоду не отказываются, но тотчасъ же дѣлаютъ въ хатѣ нѣкоторыя хозяйственныя измѣненія, для большихъ житейскихъ удобствъ: окна и двери выставляются вонъ, какова бы ни была погода; безъ этого Цыгану душно. Впрочемъ, походная кузница разбивается обыкновенно въ чистомъ полѣ, за селомъ, и, заключая въ себѣ также общее жилье всего цыганскаго семейства, состоитъ изъ ветхаго шатра, который однимъ краемъ примыкаетъ вплоть къ землѣ, между–тѣмъ, какъ другой не доходитъ до земли на аршинъ; задъ загороженъ повозкой, а передъ открытъ. Шатеръ этотъ становится плотной стороной, смотря по времени года, то противъ солнца, то противъ дождя и вѣтра.

Полянка между селеніемъ и кабакомъ, по направленію къ морю, ничѣмъ не была занята, когда мы вечеромъ по ней прогуливались, а рано утромъ стояло тамъ

два шатра изъ задымленнаго, чернаго отрепья. Это было въ понедѣльникъ, который, какъ увѣряютъ, празднуется Цыганами вмѣсто воскресенья, и близость шинка, повидимому, была очень–кстати: три Цыгана пошатывались въ дверяхъ этого заведенія, размахивая руками и наклоняя въ раздумьи головы, не зная сами, куда они идутъ или намѣрены идти, въ шинокъ ли, или изъ шинка. Вскорѣ явились три Цыганки, конечно, жоны ихъ, а за ними цѣлая толпа ребятишекъ, изъ которыхъ большія тащили миньшихъ, нагишомъ, и притомъ не такъ, какъ обыкновенно носятъ на рукахъ грудныхъ дѣтей, а переваливъ ихъ черезъ себя какъ ни попало, и придерживая ихъ также за что ни попало, за руку или за ногу. Бабы взяли мужиковъ своихъ подъ руки и вывели изъ шинка, убѣждая ихъ идти домой. Но тутъ, на чистомъ воздухѣ, однимъ изъ Цыганъ овладѣла неодолимая охота поплясать: онъ стряхнулъ съ себя навязчивую бабу и, приподнявъ руки, долго прилаживался и примѣрялся, но какъ–то не могъ справиться

съ ногами. Веселое расположеніе его перешло и на двухъ его товарищей: и тѣ также пустились въ пляску, или, по–крайней–мѣрѣ, порывались къ тому всѣми силами, между–тѣмъ, какъ жоны ихъ хватали своихъ мужей то за руку, то за одежду, бранились и растаскивали ихъ врознь. Наконецъ, пляска кончилась, бабы нахлобучили на мужей своихъ шапки, и каждая потащила друга своего въ таборъ.

Одна изъ Цыганокъ привлекла при этомъ случаѣ на себя особенное наше вниманіе: она была бѣлокура; одежда на ней была та же, какъ и на прочихъ, и какъ носятъ всѣ волошскія или бессарабскія Цыганки: шерстяная, полосатая юбка, такой же поясъ, въ ладонь ширины, на головѣ платокъ, повязанный по–цыгански, то–есть, свисшій однимъ угломъ по спинѣ; на плечахъ рубашка, ноги босыя, а изъ–подъ платка разстилаются всклоченныя космы, — но волосы эти были свѣтлорусые, тогда какъ всякому извѣстно, что у Цыганъ волосы черные, какъ смоль. Мы посмотрѣли за нею вслѣдъ, и, занявшись

предположеніями на счетъ этой необычайности, пошли своимъ путемъ.

На слѣдующій день, проходя къ морю мимо небольшаго цыганскаго табора, мы заглянули подъ шатры. Въ глубинѣ, подлѣ телеги, была вырыта небольшая круглая ямка, надъ которою стоялъ круглый столикъ, всего въ четверть вышины; русая молодая хозяйка со старухой, настоящей вѣдьмой, сидѣли за этимъ столомъ, поставивъ ноги въ ямку, и кроили что–то изъ ряднины, если не изъ стараго мѣшка. Ножницы, безъ–сомнѣнія, домашняго издѣлія, были въ родѣ тѣхъ, которыми стригутъ овецъ. Въ сторонѣ, болѣе напереди, другая ямка, кузнечный горнъ съ парою безконечно–заплатанныхъ мѣховъ, которыми работала дѣвка, покачиваясь на колѣняхъ изъ–стороны–въ–сторону, между–тѣмъ, какъ хозяинъ ковалъ что–то на наковальнѣ, поставленной въ самой серединѣ шатра. По сторонамъ валялись ребятишки, изъ которыхъ одинъ игралъ привязанною на ниткѣ мертвою чайкой. Приходъ нашъ оживилъ все населеніе двухъ

наметовъ: бабы стали нагло клянчить и канючить и тотчасъ же выгнали всѣхъ ребятишекъ въ пляску: замѣчательно, что у всѣхъ былъ хорошій слухъ, дикія пѣсни ихъ не оскорбляли уха. Только пожилые мужчины, хозяева, сохранили при этомъ позорищѣ степенность свою, подавая видъ, будто не заботились о томъ, что вокругъ ихъ дѣлалось; а бѣлокурая Цыганка была молчаливѣе и скромнѣе прочихъ.

Вечеромъ, мы сидѣли въ деревнѣ дома, въ палисадникѣ, и пили чай, какъ увидѣли знакомцевъ нашихъ, старую Цыганку и бѣлокурую, которыя обходили всѣ дворы и собирали подаяніе. Старуха навьючила молодую шерстяною, полосатою переметною сумой, которая была ужь порядочно набита картофелемъ и хлѣбомъ; старуха выпрашивала подаяніе, а молодая носила ношу. Онѣ подошли, по очереди домовъ, и къ намъ. Разглядѣвъ поближе бѣлокурую, мы еще болѣе убѣдились, что это не можетъ быть Цыганка, и любопытство наше было сильно возбуждено. — Два, три вопроса ничего не

рѣшили; русая Цыганка молчала, или отвѣчала однимъ словомъ, а вѣдьма говорила за троихъ, разсыпаясь въ похвалахъ и пожеланіяхъ, и выпрашивая все, что только попадалось ей на глаза. «Подай милостинки, Христа ради», говорила она съ рѣзкимъ удареніемъ своимъ на каждомъ слогѣ: «и богатъ будешь, и хорошъ, и дѣти будутъ большія... подай, добра паня, оброкъ подушный платить, вотъ у нея» — указывая на молодую — «два маленьки близнятка...» У всѣхъ Цыганокъ, какъ извѣстно, есть близнята; по-крайней-мѣрѣ, онѣ въ томъ увѣряютъ васъ, когда просятъ подаянія. Взявъ поданный ей хлѣбъ, старуха успѣла разглядѣть, что на столѣ есть сахаръ, и продолжала просить, для близнятъ же, по кусочку сахару. Когда она получила его, то стала освѣдомляться, нѣтъ ли старенькаго платьица, отопочковъ, паголенковъ или другихъ какихъ обносковъ? Я показалъ ей серебряную монету, и глаза у нея заискрились какъ у волка; но я не далъ ей денегъ, а обѣщалъ дать, если молодая

разскажетъ всю правду, какъ она попала въ Цыганки. Послѣ продолжительной божбы, что бѣлокурая родилась въ таборѣ и настоящая Цыганка, старуха жадно протянула руку — но я положилъ монету въ карманъ. Русая все молчала, но по пріемамъ старухи видно было, что она рѣшилась добыть деньгу во что бы ни стало, и потому я настаивалъ, увѣряя ее притомъ, что я не съищикъ и не доносчикъ, и спрашиваю изъ одного только любопытства, но даромъ денегъ не отдамъ. «Она Полька» сказала наконецъ старуха: «изъ Польши; она сама къ намъ пришла, давно: ѣсть ничего было, голодъ, а она мала была, сирота — и пристала.» Я хотѣлъ слышать всѣ подробности этого отъ нея самой; старуха поощряла ее къ разсказу, повторяя по–своему: говори, говори! Но бѣлокурая робко цѣдила слово–за–словомъ сквозь зубы и не хотѣла разговориться. Я отдалъ двугривенный старухѣ и велѣлъ ей идти своимъ путемъ. Она–было снова окинула все глазомъ и стала просить еще хлѣбца съ масломъ, еще старый платочекъ

и рубашку. Прогнавъ ее, я напоилъ молодую чаемъ, зазвавъ ее во дворъ, и наконецъ, не безъ труда, заставилъ разсказать ея похожденія.

Она точно была Полька, помнила отчій домъ только очень–темно, но увѣряла, что у нихъ были павлины и золотые воробьи, т. е., канарейки, и была также прислуга, изъ которой она одного помнила по имени. Она помнила также, что отецъ ѣзжалъ на охоту съ собаками; начавъ въ раздумьи щупать и поглаживать рукой бархатную кацавейку на женѣ моей, она какъ–будто припомнила какой–то давнишній сонъ и сказала наконецъ, что у матери было точно такое платье, которое малютка любила гладить рукой; наконецъ, она думаетъ, что у нея были старшіе братья, а болѣе ничего не помнитъ. «Мала была» продолжала она, пожимая плечами: «ничего не знаю. Садъ былъ у насъ, и груши были; помню, какъ старшій братъ — должно–быть, что братъ — лазилъ на дерево и трясъ груши, а я собирала. Больше ничего не помню» повторила она. «Пришла бѣда, стали

Поляки биться съ Русскими — и этого я ничего не знала, только помню, что всѣ бранили и боялись Москалей. Пришло къ намъ войско конное, что собиралось на Москалей; храбровали они всю ночь, пѣсни пѣли, вино пили, а на улицахъ разложили огни; помню, какъ я стояла съ бабой за воротами, слушала и смотрѣла, и баба учила меня бранить Москалей. Вдругъ со всѣхъ сторонъ стали палить, всѣ бросились бѣжать; сдѣлалась такая давка, что баба насилу втащила меня въ хату; по улицамъ все стрѣляли; въ домѣ, вокругъ меня, кричали, плакали, молились и бранились; видно, отецъ и братья также бились на улицахъ, въ домѣ ихъ не помню; хата наша загорѣлась, солдаты набѣжали — больше ничего не знаю; какъ я вышла, что со мною было, ничего не помню — мала была, глупа. Всѣ хаты горѣли. И ночь пришла, и день пришелъ, онѣ все еще горѣли, а я сидѣла въ саду и плакала. Одинъ ли вечеръ насталъ, два ли, не помню, а я все одна сидѣла въ саду, все хотѣла въ хату, а хаты нѣтъ, и людей нѣтъ, ни одного. Я ѣла

груши, да сырую пшонку, и все плакала; а дымъ меня чуть не задушилъ. Я пошла бродить, сама не зная, гдѣ и куда, все бѣжала по дорогѣ и плакала; повстрѣчались мнѣ Москали (солдаты) — дали хлѣба сухаго и напоили водой, пожалѣли меня, а сами пошли дальше. Я сперва бѣжала за ними слѣдомъ, потомъ утомилась, сѣла и уснула на мѣстѣ, а тамъ встала, да опять побѣжала дальше и пришла къ добрымъ людямъ: они стояли въ полѣ, какъ мы теперь стоимъ, и ихъ никто не трогалъ, ни Москали, ни Поляки; имъ было не страшно: хаты не ма у нихъ, скарбу не ма, одна лошаденка, да и та такая, что никому не годится — и не страшно. Я пришла къ нимъ; они накормили меня, спрашивали, откуда я, хотѣли отвести домой — я ничего не знаю, только плачу. Пошли они на другое мѣсто, и меня взяли съ собой; опять меня спрашивали, много, не знаю ничего, только плачу. Такъ они пошли, а я все съ ними жь, — такъ я и пристала къ нимъ и осталась при нихъ.

— Ну, а дальше что было, когда стала ты подростать?

— А дальше все ничего не помнила, не знала чья я; стала Цыганка. Когда я выросла, такъ отдали меня замужъ за своего; вотъ и живемъ.

— Какъ же тебя, бѣдную, замужъ отдали? приневолили?

— Нѣтъ; зачѣмъ? неволи нѣтъ. Сказали, что пора, и пошли на Днѣстръ: тамъ, сказали, будетъ мужъ, и пришли, посмотрѣли; такой годится тебѣ? спросили: что жъ? коваль, молодой, чоботы есть свои, отецъ ятку (шатеръ) даетъ — годится. И отдали.

— Какъ же васъ вѣнчали? спросилъ я; но она не поняла меня и я съ трудомъ растолковалъ ей свой вопросъ.

— Нѣтъ этого у насъ, сказала она, махнувъ рукой: — такъ отдали.

— А праздникъ былъ?

— Праздникъ былъ; пили вино и пѣсни пѣли, а старухи плясали.

— Отъ–чего же старухи, а не молодыя?

— Молодицамъ у насъ не хорошо плясать, а старухамъ можно.

— И дѣти есть у тебя?

— Есть, трое.

— Бѣлые или черные?

Она засмѣялась и отвѣчала:

— Всякіе есть, и бѣлые и черные: одинъ черноволосый, а двое сами черные, а волосы бѣлые.

— Была ли ты когда–нибудь послѣ опять на своей родинѣ?

— А Богъ–знаетъ, можетъ–быть, и была, коли жь я ее не знаю; Польша велика, а я была мала, глупа, не помню ничего.

— Такъ тѣ помнятъ, старики, которые тебя взяли тамъ?

— А Богъ–знаетъ; можетъ и помнили бъ, да гдѣ они теперь? Старые померли оба, а тѣ пошли своей дорогой, когда отдали меня; они ходятъ по своимъ мѣстамъ, а мы по своимъ. Въ годъ, либо въ два разъ встрѣтимся, да опять и разойдемся.

— А, можетъ–быть, дома твои родные живы, отецъ, мать, братья?

— А Богъ ихъ знаетъ! Нѣтъ, говорятъ, не живы. Всѣ пропали какъ война была, и погорѣли и пропали.

Старуха, обошедши рядъ домовъ, подошла опять къ нашимъ воротамъ, стояла ухмыляясь, опершись на свой посохъ, будто спрашивая: «не–ужь–то–де бесѣда ваша все еще не кончилась?» Я спросилъ еще молодую, какъ ее зовутъ? — Юдвися, сказала она. Понявъ, что это было польское имя Людовика, я спросилъ еще: прежнее ли это имя ея, или оно дано ей Цыганами? — Прежнее, отвѣчала она: — такъ меня звали дома; это я помнила, сказала добрымъ людямъ, которые меня, сироту, приняли, и такъ меня съ–тѣхъ–поръ называютъ.

Старуха навьючила на Юдвисю полную на обѣ половины переметную суму, попробовала еще, голосомъ вкрадчивой довѣрчивости, выпросить ленточку, тамъ спросила: нѣтъ ли хоть ломаной подковы или другаго стараго желѣза, и, наконецъ, отправилась съ невѣсткой подъ свою ятку.

Я разсказывалъ, въ–теченіе лѣта, многимъ посѣтителямъ люстровскихъ морскихъ водъ объ этой мнимой Цыганкѣ и о приключеніяхъ ея. Мы полагали объявить объ этомъ въ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, что если кто–нибудь изъ родныхъ ея остался въ живыхъ, то, можетъ–быть, отзовется и отъищетъ свою потерянную дочь или сестру подъ закоптѣлымъ шатромъ цыганскаго табора. Всѣ Цыгане нынѣ, по–крайней–мѣрѣ, приписаны къ какому–либо мѣсту и считаются въ сословіи казенныхъ или господскихъ крестьянъ. Я собирался разспросить объ этомъ нашего Цыгана, не показывая виду, для чего я это дѣлаю, и не сомнѣвался, что по этимъ разспросамъ можно будетъ, въ случаѣ нужды, его отъискать.

Въ одинъ вечеръ, когда мы опять, по обыкновенію, сидѣли въ надворномъ палисадничкѣ и пили чай, къ намъ вошелъ хорошо–одѣтый мужчина, лѣтъ около тридцати, съ усами, съ продолговатымъ польскимъ лицомъ и статною осанкой, въ соломенной широкополой шляпѣ и

цифрованной венгеркѣ. Поклонившись, онъ сказалъ мнѣ, съ удареніемъ на каждый предпослѣдній слогъ: «Извините, я пришелъ къ вамъ на пару словъ. Я сегодня, сейчасъ только, слышалъ о похожденіяхъ одной Цыганки, или дѣвочки, увезенной въ молодости Цыганами — и мнѣ сказали, что вы лично ее видѣли и разспрашивали?»

— Точно такъ, это справедливо.

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, разскажите мнѣ все, что вы объ ней знаете... я желалъ бы... она, можетъ–быть... видите, у меня когда–то пропала безъ вѣсти маленькая сестра, и именно при такихъ обстоятельствахъ, какъ здѣсь разсказываютъ объ этой Цыганкѣ: это было въ Любартовѣ.

Я ему разсказалъ все. Мелочи и подробности, которыя она помнила съ–издѣтства своего, а еще болѣе и самое имя Людовики убѣдили его, что это должна быть его сестра. Онъ былъ зажиточный помѣщикъ, пріѣхавшій сюда съ семействомъ для купанья. Разсказъ мой произвелъ въ немъ сильное волненіе; на

глазахъ его навертывались слезы. Онъ былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать, какъ ее разлучить съ мужемъ, и будетъ ли это доброе дѣло, составитъ ли это ея счастье? А куда дѣваться съ ними, если они захотятъ остаться кочевыми Цыганами? А можно ли, слышавъ все это, оставить дѣло безъ вниманія и не заботиться о давно–потерянной и теперь случайно отъисканной сестрѣ? — Напередъ всего, сказалъ я: вамъ бы надобно посмотрѣть на нее и разспросить ее, убѣдиться въ самоличности ея — а тамъ... подумайте. «Пойдемте вмѣстѣ», сказалъ онъ, взявъ меня за руку.

Подъ шатромъ нашли мы все въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ прежде, но на этотъ разъ Юдвися работала мѣхами, лежа между ними на колѣняхъ, а мужъ ея ковалъ. — Долго мы стояли, стараясь завязать съ нею разговоръ, но обстоятельства были къ тому самыя неудобныя. Товарищъ мой, въ сильномъ волненіи, уставилъ глаза на нее и не могъ доискаться языка. Замѣтно было, что старуха и мужъ ея стали какъ–то безпокойны: можетъ–быть, послѣдній

разговоръ мой съ Юдвисей, такъ живо напомнившій ей давноминувшее, растревожилъ ее, заставилъ грустить и задумываться — и въ такомъ случаѣ старуха, конечно, жалѣла, что допустила ее до такой бесѣды; по этому присутствіе наше не могло быть ей пріятно; словомъ, было замѣтно, что они насъ дичились. Я увелъ посѣтителя, и мы сговорились выбрать болѣе–удобное время для разспросовъ. Утромъ на другой день, мы снова пошли туда, но, дошедши при выходѣ изъ селенія до того мѣста дорожки, откуда виденъ былъ цыганскій шатеръ, нашли одно только порожнее мѣсто. Мы подошли: двѣ ямки — одна, служившая вмѣсто стульевъ или дивана, потому–что въ нее ноги ставили; другая, гдѣ былъ горнъ, обозначали мѣсто бывшаго тутъ переноснаго жилья; болѣе не было никакихъ слѣдовъ. Молча побрели мы домой, и товарищъ мой во всю дорогу не сказалъ ни одного слова.